

ПРАКТИКИ НАУЧНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ ПЕРВЫХ РУССКИХ ЖЕНЩИН-ИСТОРИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Секенова Ольга Игоревна, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Москва, Россия, jzkzkray@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9246-2728>

Аннотация. В статье рассматриваются различные этапы творческого процесса в исторических исследованиях как отражение профессиональной повседневности первых русских женщин-историков. Используя принадлежащие им эго-документы, становится возможным реконструировать основные сложности при сборе материала, создании научных текстов и публикации результатов исследований, типичные для женщин-историков и необычные для их коллег-мужчин. Так, первые женщины-историки вынуждены были самостоятельно осваивать азы исследовательской работы (даже в программе Высших женских курсов изначально не предполагалось обучать курсисток методике исторических исследований), пытаться создать собственные методики исторических исследований. Несмотря на активную научную работу женщин-историков, во второй половине XIX – начале XX вв. практически нет их значимых публикаций – слишком редко женщины решались самостоятельно публиковать свои работы (это было сопряжено со значительными расходами), тогда как профессиональные издатели боялись отсутствия коммерческого успеха работ женщин-историков. Эго-документы свидетельствуют о случаях заимствования результатов исследовательского труда женщин-историков, необходимости скрывать свое настоящее имя по требованию издателей и иных проявлениях дискриминации первых исследовательниц в российской исторической науке.

Ключевые слова: академическая повседневность, женщины-историки, история науки, женская история

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 19-09-00191

Для цитирования: Секенова О.И. Творческий исследовательский процесс в эго-документах первых русских женщин-историков второй половины XIX – начала XX вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 39-44. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-39-44>

Research Article

THE PRACTICES OF SCIENTIFIC EVERYDAY LIFE IN EGO DOCUMENTS OF THE FIRST RUSSIAN FEMALE HISTORIANS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – THE EARLY 20TH CENTURIES

Olga I. Sekenova, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, jzkzkray@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9246-2728>

Abstract. The article focuses on the different stages of the creative process in historical research as a reflection of the professional everyday life of the first Russian female historians. Using their ego documents, it becomes possible to reconstruct the main difficulties in collecting material, creating scientific texts and publishing research results that were typical for female historians and unusual for their male colleagues. For example, the first female historians were forced to master the basics of research work themselves (even the programme of the Higher Courses for Women avoided teaching female students the method of historical research). Despite the active scientific work of female historians, in the second half of the 19th – the early 20th centuries they had not published many significant works because women could not publish their works on their own (in most cases it was too expensive for them), while professional publishers feared the lack of commercial success of the works of female historians. Ego documents testify to cases of borrowing the results of research work of female historians, the need to hide their real names at the request of publishers and other manifestations of discrimination against the first researchers in the Russian historical science.

Keywords: academic everyday life, female historians, history of science, female history

Acknowledgments: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 19-09-00191

For citation: Sekenova O.I. The practices of scientific everyday life in ego documents of the first Russian female historians in the second half of the 19th – the early 20th centuries. Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 1, pp. 39-44 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-1-39-44>

Профессиональная повседневность историков – тема, не слишком часто встречающаяся на страницах публикаций, анализирующих жизнь академического и преподавательского сообщества. Конечно, к ней обращались и в биографических исследованиях [Харьковская; Долгова; Ростовцев], и в общих работах по академической повседневности [Сидорова; Павловская], но в гендерном аспекте тема эта все еще остается слабоосвещенной в отечественной исторической науке. Ее значимость для истории науки неоспорима, поскольку помогает лучше понять пути складывания личных пристрастий ученых к той или иной проблематике, но главное ее значение – это, конечно, значение для гендерной антропологии, постоянно ставящей во главу угла изучение практик неполноправия, деприваций женщин в научной среде. Упоминание имен первых русских женщин-историков обычно ограничивается сообщением о том, что в конце XIX в. их научные труды уже были известны научному сообществу [Пушкарева 2012: 230–231]. Тем не менее многие проблемы, связанные с их научной повседневностью (организация творческого исследовательского процесса, взаимодействие с научными руководителями и издателями, практики сочетания научной работы и частной жизни) до сих пор остаются неисследованными. Вхождение женщин в мужскую академическую корпорацию историков в Российской империи не было простым – и именно те частные подробности, которые встречаются в эго-документах (воспоминаниях, дневниках, личной переписке) помогают реконструировать те трудности, которые приходилось преодолевать первым женщинам в исторической науке. Первые русские женщины-историки XIX века (А.О. Ишимова, П.С. Уварова, Н.А. Белозерская) были талантливыми самоучками, их последовательницы (Е.Н. Щепкина, Н.Д. Флиттнер, О.А. Добиащ-Рождественская, И.И. Любименко и многие другие) получали возможность практиковаться в исторических исследованиях на открытых в эпоху Великих реформ Высших женских курсах [Пушкарева 2012: 230–231]. В данной статье использовались опубликованные воспоминания Н.А. Белозерской, неопубликованные эго-документы (воспоминания Е.Н. Щепкиной, Н.Д. Флиттнер), а также воспоминания современников о А.О. Ишиловой, П.Я. Литвиновой. Ценность этих эго-документов в первую очередь состоит в детальном отражении «осколков» повседневности женщин, выбравших путь исследовательниц [Пушкарева 2019: 214–215].

Исследовательский процесс историка типичен для разных стран и эпох: за поиском первичного материала (в экспедиции или архиве) следуют анализ исторических источников и создание текста научного исследования, а затем презентация результата (либо через публикацию в научном журнале, либо через преподавание или выступление на конферен-

ции). Примечательно, что в эго-документах русских женщин-историков описанию самого творческого процесса отводилось не так много внимания – вероятно, их не слишком привлекала рутинность этого процесса: гораздо больше удовлетворения, которым им хотелось поделиться с читателями мемуаров или дневников, они получали от научного поиска в библиотеках и архивах. Научные интересы первых российских женщин-историков были весьма разнообразны: они создавали замечательные исследования по истории России (Е.Н. Щепкина, Н.А. Белозерская, О.Е. Корнилович), древней и средневековой истории Европы (О.А. Добиащ-Рождественская, К.В. Тревер, Н.Д. Флиттнер), этнографии (А.Я. Ефименко, П.Я. Литвинова, В.Н. Харузина) и археологии (П.С. Уварова).

В дореволюционную эпоху наиболее популярным местом, в котором женщины-историки читали книги и работали с архивными документами, была Императорская Публичная библиотека в Санкт-Петербурге (сейчас – Российская национальная библиотека). Первые женщины-историков, выделявшихся своими серьезными занятиями из множества других завсегдатаев библиотеки, там хорошо знали (в качестве доказательства благосклонности служителей библиотеки Н.А. Ген-Белозерская, секретарь Н.И. Костомарова и самостоятельный историк, отмечала, что ей ежедневно отыскивали и приносили книги, даже самые редкие издания, а еще она всегда работала за столом [Белозерская 1913: 935] – в переполненной Публичной библиотеке 1850–60-х гг. это было большой привилегией (только в 1857 г. началось строительство нового здания, в котором было предусмотрено дополнительное помещение «для занятий художников и женщин-читательниц»¹, но из-за открытия Высших женских курсов дополнительное помещение все равно не хватало). Радость научного поиска в библиотеке прослеживается почти во всех эго-документах женщин-историков, а наиболее полно попыталась передать свои ощущения от посещения Публичной библиотеки египтолог Н.Д. Флиттнер: «...настроение, которое я больше всего люблю. В душе точно распахиваются створки двери навстречу каким-то неуловимым флюидам: смотрю на огромные фолианты в свиной коже, на неуклюже торжественный четкий шрифт первопечатных изданий – Библии, Тита Ливия, железными цепями прикованные к пультам из темного дерева, удивительные миниатюры, рукописи с выпуклыми заглавными золотыми буквами... и охватывает меня чувство внутренней духовной связи с этим прошлым... Я чувствую так же, как и они, мои далекие предки»² (в тексте воспоминаний Н.Д. Флиттнер особенно символичным кажется, что она посетила библиотеку под Рождество – поход в библиотеку и возможность остаться наедине с историческими источниками были для Флиттнер, весьма религиозной протестантки, мистическим, почти религиозным опытом).

Первая преподавательница истории на Высших Бестужевских женских курсах Е.Н. Щепкина также обучалась истории в Сорбонне и надеялась найти для себя что-то новое во французских архивах. Библиотека в Париже поразила ее, во-первых, необычной обстановкой, а во-вторых, скоростью обслуживания, нетипичной для Публичной библиотеки: «...новые удовольствия, великолепная обстановка, все кругом огромного зала обставлено пособиями классиков, словарями и т. д., потонуть можно. От 10 до 4 времени довольно при скорой выдаче книг. Около 1 ч. завтрак. Книги передаются на время на огромный стол выдач и берутся по возвращении обратно (...). Хорошо оказалось и в рукописном отделении, все выдавали чрезвычайно просто, скоро, с прекрасными приспособлениями, с пюпитром, с папочкой, нажимающей листы. Я брала переписку эмигрантов. Подавали огромные пухлые фолианты, с наклеенными по складке рядами писем и конвертов при них. Залы залиты светом, а солнце никому не мешает. Чудная обстановка. (...) Положишь – уйдешь, вернешься – возьмешь. На другое утро опять берешь свое»³. При этом младшая современница Е.Н. Щепкиной, замечательный Санкт-Петербургский медиевист О.А. Добиаш-Рожественнская, напротив, в 1909 году отмечала плохую организацию парижских библиотек, которая «искупается их огромными, особенно с точки зрения медиевиста, ценными богатствами»⁴. Также, особенно после революции 1917 года, заграничные поездки русских ученых в архивы и библиотеки были сопряжены с многочисленными сложностями: разрешения на поездки в зарубежные архивы выдавались обычно на летний период, когда все архивы и библиотеки закрывались⁵, поэтому приходилось ограничиваться русскими архивами. В целом именно работа со старинными документами в эго-документах женщин-историков была для них отдушиной, главной ценностью исследовательской деятельности и способом психологической разгрузки: можно было уйти от неприглядной реальности.

После первичного анализа источников (многочисленных выписок, работы с литературой) наступал наиболее сложный период – создание научного труда. К сожалению, крайне редко мы узнаем о подробностях этой работы – и в большей степени не из эго-документов, а из первичных материалов (черновики, планы статей и книг), многие из которых были уничтожены авторами. Исходя из эго-документов, становится понятно, что многие женщины-историки, особенно первого поколения, тяжело и самостоятельно осваивали специфику исследовательской работы. Научиться им было нелегко: разве что Н.А. Белозерская получила бесценный опыт, будучи секретарем Н.И. Костомарова (который научил «как работать и пользоваться материалом» [Белозерская, 1913: 933]). Е.Н. Щепкина отмечала, что обучение исследовательской работе

на Высших женских курсах в Москве и особенно в Санкт-Петербурге было организовано плохо (вероятно, до И.М. Гревса [Вахромеева], обучением исследовательской деятельности на курсах почти не занимались, считая это не слишком важной стороной обучения курсисток)⁶. Постигать принципы создания исторических исследований женщинам-историкам приходилось самостоятельно – через чтение и сравнение профессиональных научных работ и источников, по которым они были написаны (выбиралась одна диссертация и подробно анализировалась)⁷. Иногда в текстах эго-документов звучат признания о несамостоятельности работ: «хотя доклад не был написан совершенно самостоятельно по части формулировок и выводов, все же это наполнило меня гордостью...»⁸ – в данном случае их можно рассматривать как часть обучения исследованиям (некоторые научные руководители считали, что таким образом их ученики быстрее поймут, как следует делать выводы из исторического материала). Что касается написания научных текстов, во все времена это было связано со сложностями и тяжелым эмоциональным состоянием женщин-историков. Н.А. Белозерская писала о своей научной работе: «одно утомляло – постоянная спешка... Иногда, работая целый день, я писала во время обеда, между первым и вторым кушаньем. Только ночью не работала никогда, хотя часто бывала бессонница от чрезмерного напряжения мысли» [Белозерская 1913: 934]. Трудно было сосредоточиться на научной работе по разным причинам – так, историк и археограф Е.Н. Ошанина честно признавалась, что «плохо пишется, мешает влюбленное состояние. Думаю больше о нем, а не о докладе. Как бы настроиться!»⁹ Научным изысканиям мешали не только эмоции, но и обилие домашней работы, отсутствие полноценного рабочего места. Только жесткая организация своего рабочего времени и делегирование домашних обязанностей родственникам или прислуге помогали женщинам достичь успеха в исследовательской работе. Занятия наукой влияли на все стороны частной жизни историков: так, например, наибольший интерес у них вызвали хобби, так или иначе связанные с темами их исследований (например, Н.Д. Флиттнер и Т.Н. Бороздина-Козьмина увлеклись коллекционированием египетских древностей, П.Я. Литвинова-Бартош собирала образцы южнорусского народного орнамента, на их основе создавая самостоятельные вышивки).

Самым тяжелым этапом в творческой работе в большинстве случаев был процесс публикации научного труда. Именно здесь женщины-историки дореволюционной эпохи особенно часто сталкивались с проявлением дискриминации (тогда как во время сбора материала и написания текстов мужчины, напротив, стремились им помочь). Особенно важным для первых русских женщин-историков было желание указать свое настоящее имя

в статье, а не ограничиться начальными буквами, как им предлагали редакторы-мужчины. Так, Н.А. Белозерская долгое время публиковалась в журнале «Древняя и Новая Россия» под именем своего друга, историка Д.Л. Мордовцева («потому что не примут иначе – я женщина, и это первый случай» [Белозерская, 1913: 933]). Необходимо отдать должное Мордовцеву: через некоторое время он открыл главному редактору имя истинного автора статей. Тем не менее большая часть авторов журналов печатали статьи женщин под псевдонимами, а, например, М.И. Семевский открыто пользовался интеллектуальным трудом Н.А. Белозерской, присвоив авторство значительно расширенного ей своего собственного научного исследования «Царица Прасковья по новым материалам» [Семевский]. Когда в очередной раз в журнале «Русская старина» Н.А. Белозерской предложили опубликовать ее статью без подписи, потому что «неудобно ставить женское имя», она хотела разорвать всю статью, но вместо этого впервые опубликовала научное исследование под собственным именем в журнале «Русская мысль» [Белозерская, 1883]. Далее все статьи печатались с ее подписью.

В целом проблем с публикациями было много – неоднократно женщины-историки жаловались на то, как их работы долго лежат в редакциях научных журналов¹⁰. После единственного успешного опыта А.О. Ишимовой, поддержанной императорской семьей в издании «Истории России в рассказах для детей», мужчины-издатели не рисковали издавать полноценные женские научные работы. Показателен пример этнографа П.Я. Литвиновой, которая с 1870-х гг. до самой смерти собирала образцы украинского народного искусства, зарисовывала многочисленные виды орнаментов. Собрав значительную коллекцию, П.Я. Литвинова задумалась об ее публикации [Литвинова 1877]. Впрочем, друзья, поддержавшие ее на словах, не спешили помочь в издании финансово, и в итоге деньги на издание работы она заняла у некоего Шугурова [Спаська: 180] (вероятно, речь шла о черниговском историке Михаиле Федоровиче Шугурове [Гельвих: 503–504]). В 1877 году, когда работа была издана, Пелагея Яковлевна пережила тяжелый период: смерть дочери, сложности с публикацией работы («...Никто из Ваших не хотел брать моей работы никуда» [Спаська: 188], – писала она своему близкому другу, украинскому историку и этнографу Ф.К. Волкову, упрекая того в отсутствии помощи). Редактор «Киевского народного календаря» А.Ф. Андрияшев не заплатил полностью обговоренную сумму за «Русские народные узоры», а также был обвинен П.Я. Литвиновой в плагиате (вероятно, речь шла не о коллекции орнаментов, а о методических пособиях для обучения детей грамоте: составленные по одной и той же методике обучения чтению «звуковым способом», тексты навели Литвинову на мысль о заим-

ствовании у нее [Андрияшев; Литвинова 1877]). Издательские проблемы преследовали П.Я. Литвинову: решив переиздать дополненную книгу в типографии Беца [Литвинова, 1878], она не получила денег, но забрала тираж, а знакомый студент, взявшийся распространить книги в Санкт-Петербурге, сначала прислал деньги, потом исчез, оставшись должным 200 рублей [Спаська: 188]. Этот пример во многом объясняет, почему, несмотря на активную научную работу женщин-историков, во второй половине XIX – начале XX вв. практически нет их значимых публикаций – слишком редко женщины решались самостоятельно публиковать свои работы (это было сопряжено со значительными расходами), тогда как профессиональные издатели боялись отсутствия коммерческого успеха работ женщин-историков. Именно отсутствие рыночного интереса в публикации исторических исследований после революции 1917 г. позволило женщинам-историкам быть более широко представленными в академической среде, чем в дореволюционный период.

Таким образом, творческий процесс русских женщин-историков первой половины XIX – начала XX вв. был сопряжен с рядом сложностей: необходимость самостоятельно обучаться исследовательской работе, нехватка времени и сил для создания исторических текстов, многочисленные препятствия к публикации научных работ – все это, тем не менее, искупалось профессиональной самореализацией в любимой исследовательской области. Эго-документы русских женщин-историков говорят о том, что нередко из-за политики издательств женщины не могли публично признать свое авторство научных произведений, поэтому множество их работ выходило под инициалами или мужскими именами. Тем не менее постепенно увеличение числа женщин-историков и признание их научных результатов известными учеными облегчало их вхождение в академическую корпорацию в начале XX века.

Примечания

¹ История Российской национальной библиотеки. URL: http://nlr.ru/nlr_history/rooms/ost/sob/ (дата обращения: 12.12.2020).

² Отдел рукописей Государственного Эрмитажа (АГЭ). Ф. 63. Д. 6. Л. 106–107.

³ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 31–32 об.

⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 254. Д. 18. Л. 1.

⁵ ОР РНБ. Ф. 254. Д. 55. Л. 1.

⁶ РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 131. Л. 1.

⁷ РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 131. Л. 1.

⁸ Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). Ф. Л-125. Оп. 1. Д. 24. Л. 22.

⁹ ЦГА Москвы. Ф. Л-125. Оп. 1. Д. 24. Л. 37 об.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 32 об.

Список литературы

Андрияшев А.Ф. Начальное обучение грамоте по звуковому способу. Киев: ред. Киев. нар. календаря, 1875. 67 с.

Белозерская Н.А. Автобиография // Исторический вестник. 1913 (июнь). Т. 132. С. 925–937.

Белозерская Н.А. Царское венчание в России. М.: Русская мысль, 1883. Кн. 4. С. 1–40; Кн. 5. С. 1–48.

Вахромеева О.Б. Профессорские семинары Петербургского университета как неотъемлемый элемент научной школы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professorskie-seminary-peterburgskogo-universiteta-kak-neotemlemuy-element-nauchnoy-shkoly> (дата обращения: 17.12.2020).

Гельвих А. Шугуров, Михаил Федорович // Русский биографический словарь: в 25 т. СПб.; М., 1911. Т. 23: Шебанов – Шютц. С. 503–504.

Долгова Е.А. Методология исторической науки в работах Н.И. Кареева 1917–1931 гг.: дис. ... канд. истор. наук. М., 2013. 261 с.

Литвинова П.Я. Азбука для народных школ / сост. по звуковому способу для нагляд. обучения П. Литвиновой. Киев: Тип. С.Т. Еремеева, 1877. 40 с.

Литвинова П.Я. Южно-русский народный орнамент. Киев: Изд. Бец в литогр. Фрица, 1878. Вып. 1: Черниговская губерния, Глуховский уезд. 13 с. 20 л. 12 цв. таблиц.

Литвинова П.Я. Русские народные узоры / собр. П.Як. Литвиновой. Киев: Ред. Киев. нар. календаря, 1877. 17 л.

Павловская С.В. Воспоминания и дневники отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX – начала XX веков: дис. ... канд. истор. наук. Н. Новгород, 2006. 295 с.

Пушкарёва Н.Л. Женщины-историки в России 1810–1917 гг. // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2012. № 1 (18). С. 228–245.

Пушкарёва Н.Л. Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 214–245.

Ростовцев Е.А. Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX–XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3, № 4. С. 105–121.

Семевский М.И. Царица Прасковья, 1664–1723: Очерк из рус. истории Михаила Семевского. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Ред. журн. «Рус. старина», 1883. 256 с.

Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: Синтез трех поколений историков. М., 2008. 294 с.

Спаська І. Пелагея Яковівна Литвинова: Нарис її життя та праці за її рукописами та родинними документами // Етнографічний вісник. 1928. Кн. 7. С. 168–199.

Хаховская Л.Н. Этнокультурные различия сквозь призму опыта полевого исследователя (на материале дневника Д.Л. Иохельсон-Бродской) // Россия и АТР. 2017. № 2 (96). С. 201–204.

References

Andrijashev A.F. *Nachal'noe obuchenie gramote po zvukovomu sposobu*. Kiev, Red. Kiev. nar. kalendarja Publ., 1875, 67 p. (In Russ.)

Belozerskaja N.A. *Avtobiografija* [Autobiography]. *Istoricheskij vestnik* [The Historical Herald], 1913, vol. 132, pp. 925–937. (In Russ.)

Belozerskaja N.A. *Carskoe venchanie v Rossii* [Tsar's Coronation in Russia]. Moscow, Russkaja mysl' Publ., 1883, vol. 4, pp. 1–40; vol. 5, pp. 1–48. (In Russ.)

Dolgova E.A. *Metodologija istoricheskoj nauki v rabotah N.I. Kareeva 1917–1931 gg.: diss. ... kand. istor. nauk* [The methodology of history in works by N.I. Kareev in 1917–1933: the dissertation]. Moscow, 2013, 261 p. (In Russ.)

Gel'vih A. *Shugurov, Mihail Fedorovich*. *Russkij biograficheskij slovar': v 25 tomah* [Russian biographical vocabulary in 25 volumes]. Saint-Petersburg; Moscow, 1896–1918, vol. 23 (1911): Shebanov – Shjutc, pp. 503–504. (In Russ.)

Hahovskaja L.N. *Etnokul'turnye razlichija skvoz' prizmu opyta polevogo issledovatelja (na materiale dnevnika D. L. Iohel'son-Brodskoj)* [Ethnocultural differences through the lenses of a field researcher's experience (a case study of D.L. Jochelson-Brodsky's field diary)]. *Rossija i ATR* [Russia and Pacific RIM], 2017, № 2 (96), pp. 201–204. (In Russ.)

Litvinova P.Ya. *Azbuka dlja narodnyh shkol: Sost. po zvukovomu sposobu dlja nagljad. obuchenija P. Litvinovoju* [Alphabet for popular schools: made up with the sounds method for visual learning by P.Litvinova]. Kiev, tip. S.T. Eremeeva, 1877, 40 p. (In Russ.)

Litvinova P.Ya. *Juzhno-russkij narodnyj ornament* [Southern Russian Folk Ornament]. Kiev, Izd. Bec v litogr. Frica Publ., 1878, vol. 1: Chernigovskaja gubernija, Gluhovskij uезд, 13 p., 20 p., 12 tabl. (In Russ.)

Litvinova P.Ya. *Russkie narodnye uzory / sobr. P. Yak. Litvinovoj* [Russian Folk Patterns collected by P.Ya.Litvinova]. Kiev, Red. Kiev. nar. kalendarja, 1877, 17 p. (In Russ.)

Pavlovskaja S.V. *Vospominanija i dnevniki otechestvennyh istorikov kak istoricheskij istochnik izuchenija obshhestvenno-politicheskoj i nauchno-pedagogicheskoj zhizni Rossii konca XIX - nachala XX vekov: dis. ... kand. istor. nauk* [Memoirs and diaries of the Russian historians as the historical source on studying the social-political and scientific-pedagogical

life in Russia in XIX – beginning XX centuries: the dissertation]. N. Novgorod, 2006, 295 p. (In Russ.)

Pushkareva N.L. *Jevristicheseskaja cennost' avtobiografij dlja genderologa: sopostavljaja teoreticheskie itogi rossijskih i zarubezhnyh avtobiograficheskikh issledovanij* [The heuristic value of an autobiography for a genderologist: comparing the theoretical results of Russian and foreign autobiographical researches]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Istorija Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2019, vol. 18, № 2, pp. 214–245. (In Russ.)

Pushkareva N.L. *Zhenshhiny-istoriki v Rossii 1810-1917 gg.* [Women-historians in Russia in 1810-1917]. *Vestn. Perm. un-ta. Ser. Istorija* [Perm State University Herald. History], 2012, № 1 (18), pp. 228–245. (In Russ.)

Rostovcev E.A. N.I. Kareev i A.S. Lappo-Danilevskij: iz istorii vzaimootnoshenij v srede peterburgskih uchenyh na rubezhe XIX-XX vv. [N. Kareev and A. Lappo-Danilevsky (notes on the history of the relationships in the milieu of petersburg's scientists at the end of the XIXth-the beginning of the XXth century)]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2000, vol. 3, № 4, pp. 105–121. (In Russ.)

Semevskij M.I. *Carica Praskov'ja, 1664-1723: Ocherk iz rus. istorii Mihaila Semevskogo* [Queen Praskov'ja. 1664-1723: an essay of Russian history

by Mikhail Semevskij]. Saint-Petersburg, Red. zhurn. «Rus. starina» Publ., 1883, 256 p. (In Russ.)

Sidorova L.A. *Sovetskaja istoricheskaja nauka serediny XX veka: Sintez treh pokolenij istorikov* [Soviet historical science in the middle of XX century. The synthesis of 3 generation of historians]. Moscow, 2008, 294 pp. (In Russ.)

Spas'ka Ī. *Pelageja Jakovivna Litvinova: Naris ii zhittja ta praci za ii rukopisami ta rodnimi dokumentami* [Pelageia Iakovivna Litvinova: Essay of her life and work on her manuscripts and papers]. *Etnografichnij visnik* [Ethnographical Herald], 1928, vol. 7, pp. 168–199. (In Ukrainian).

Vahromeeva O.B. *Professorskie seminary Peterburgskogo universiteta kak neot'emlemyj element nauchnoj shkoly* [Professors' seminars in Petersburg University as the element of the scientific school]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [Actual problems of Humanities and Natural Sciences], 2016, № 1-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professorskie-seminary-peterburgskogo-universiteta-kak-neotemlemyj-element-nauchnoy-shkoly> (access date: 17.12.2020). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.12.2020; одобрена после рецензирования 24.01.2021; принята к публикации 12.02.2021.

The article was submitted 18.12.2020; approved after reviewing 24.01.2021; accepted for publication 12.02.2021.